

Три недѣли по приходу.*).

(Путевыя замѣтки завѣдующаго захолустнымъ приходомъ).

Въ половинѣ августа т. г. мнѣ пришлось побывать въ Маковскомъ приходѣ. Путь лежалъ на сѣверо-западъ отъ с. Яланскаго, Енисейск. уѣзда—на протяженіи болѣе 400 верстъ. Нашъ отъѣздъ въ далекій путь былъ задержанъ одной неотложной требой, пришлось выѣхать изъ дома къ вечеру и почевать въ 25 верстахъ въ небольшой деревнѣ Рыбной. Въ составъ нашей „экспедиціи“, кромѣ меня, входили: псаломщикъ А. Н. Новочадов-

*) *Отъ автора.* Извиняюсь предъ читателями «Е. Е. В.» за литературную сторону своей статьи. Пишу, имѣя одну цѣль; «откликнуться на призывъ редакціи—дать матеріалъ для епарх. органа и познакомить читателей съ этнографіей, исторіей и трудными условіями службы въ Маковскомъ приходѣ, Енисейск. уѣзда.

скій и фельдшеръ И. Т. Буравченко (командир. врачомъ вмѣстѣ съ нами для сокращенія подводъ).

Далѣе ѣхать въ экипажѣ было неудобно. Багажъ нашъ помѣстился на двухколесной телѣгѣ („бѣдѣ“), ямщикъ на этомъ же ковѣ верхомъ. Кто не бывалъ въ тайгѣ, тотъ не можетъ представить себѣ этой дороги. Здѣсь чрезъ каждыя 2—3 сажени чередуются глубокія, вѣчно наполненныя водой, ямы. Въ этихъ выбоинахъ вязнетъ колесо и лишь успѣетъ сдѣлать оборотъ, какъ снова вдавливается возомъ въ новую выбоину. Путника буквально бросаетъ на экипажѣ влѣво и вправо; трясеть по наложеннымъ бревнамъ и снова ямы, выбоины... безъ конца, всѣ 40 верстъ. Тяжелый опытъ научилъ насъ ѣхать верхомъ, но и это не лучше. Лошадь идетъ осторожно. Она то вязнетъ, то путается въ длинной, густой, грязной травѣ; подъ копытами сочится... Кони жмутся въ сторону, къ деревьямъ. Колючія вѣтви и иглы щиплютъ и царапаютъ лицо путника. По временамъ дорогу преграждаютъ подгнившія, поваленныя бурей осины. За всю дорогу не встрѣтишь ни одной человѣческой души. Дорога узкой щелью пробивается среди этой непроходимой чащи, постоянную сырость которой не можетъ осушить жарко-палящее лѣтнее солнце.

Въ 4 часа вечера мы въѣхали на поляну. Здѣсь на высокомъ открытомъ берегу разбросано было на косогорѣ с. Маковское. Солнце весело катилось къ закату и пригрѣвало село. На самомъ видномъ мѣстѣ стоялъ осиротѣлый храмъ, недавно стараніемъ свящ. І. Вазингеръ—снаружи отремонтированный. Церковныя главы парили въ небесной синевѣ. Золоченые кресты ярко искрились. Недавно окрашенная крыша—сливалась въ общій тонъ съ окружающими темно-зелеными хвойными холмами...

С. Маковское—когда-то Маковскій острогъ—можетъ быть, родоначальникъ всѣхъ русскихъ поселеній губерніи, основано въ давнія времена новыми завоевателями Сибири, которые съ Оби пробирались вверхъ по р. Кети. Для укрѣпленія за собой захваченной территоріи казаки выше нынѣшняго села верстъ на 15

по рѣкѣ—устроили крѣпость; гдѣ нынѣ указываютъ остатки вала, яма, и прежде находили ножи, стрѣлы. Впослѣдствіи русскіе прошли вглубь Сибири и, можетъ быть, по той же р. Кети поднялись къ с. Казачьему и гор. Енисейску; Поэтому роль „Маковского острога“, какъ военной базы, потерялась, и обитатели перенесли поселеніе ниже, на берегъ, на болѣе удобное мѣсто. Былъ-ли храмъ въ крѣпости—неизвѣстно. Церковная лѣтопись упоминаетъ только о голодѣ въ 1798 году, когда умерло отъ недоѣданія 45 человѣкъ, и далѣе повѣствуетъ о храмахъ, существовавшихъ въ селѣ. Первый храмъ сгорѣлъ, но какой причинѣ и въ какомъ году—неизвѣстно. Вторая церковь, деревянная, бывшая на томъ же мѣстѣ, также сгорѣла въ 1725 году 14 января. Третья, построенная въ 1726 г. съ благословенія Варлаама, архіеп. Тобольскаго, деревянная, сгорѣла въ 1885 году 20 апрѣля.

Свящ. Г. Климовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Три недѣли по приходу.

(Путевыя замѣтки завѣдующаго захолустнымъ приходомъ).

Храмы были построены въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы. На мѣстѣ ихъ теперь можно найти только остатки камня отъ фундамента и небольшой крестъ-часовенку — сзади села, между огородовъ. Четвертая церковь, тоже деревянная, стоитъ уже на новомъ мѣстѣ—въ самомъ селѣ: построена въ 1864 г. и освящена того-же года, 12 апрѣля преосвящ. Никодимомъ. Въ 1888 г., 14 ноября, открыта церковная школа въ собственномъ удобномъ зданіи, устроенномъ на средства вдовы Вѣры Синкевичъ (кромѣ этого ею пожертв. капиталъ въ 1000 р. на школу). С. Маковское—не такъ давно, въ 80 годахъ, — было еще бойкимъ торговымъ пунктомъ. Благодаря весеннему разливу р. Кети, съ Оби пробирались мелкосидящіе пароходы съ товарами и увозили назадъ партіи чая. Но со введеніемъ пароходства, на Енисеѣ и проведеніемъ Сиб. дороги—Маковское представляетъ

уже печальную картину брошеннаго мѣста, гдѣ крестьяне, корчюя суровую тайгу, съ неблагодарнымъ трудомъ добываютъ себѣ хлѣбъ, возлагая болѣе надежды на урожай кедровыхъ шишекъ, брусники, на добычу звѣрей, бродящихъ въ непроходимыхъ таежныхъ дебряхъ.

Вотъ въ этотъ то уголь мы и вѣхали. Отъ храма дорога шла въ село „на-покатъ“. Направо стояло весело къ солнцу зданіе съ большими окнами. Убогая вывѣска указывала, что это школа. Рядомъ стояла маленькая хатка, — разрушенныя рамы, ворота — и далѣе влѣво одноэтажный домъ съ закрытыми окнами — это пустыя квартиры причта. Много скуки нагоняли эти два дома. Далѣе, на косогорѣ, въ безпорядкѣ лѣпились около 60 крестьянскихъ избъ. Изъ села открывался прекрасный видъ на обмелѣвшую рѣку Кеть, утопавшую въ густой массѣ безконечнаго лѣса.

По приѣздѣ, мы цѣлыя сутки провели за отправленіемъ „требъ“, и собрались въ дальнѣйшій путь, внизъ по рѣкѣ. Къ нашимъ услугамъ была предложена лодка — сажени $3\frac{1}{2}$ — 4 длинной: середина ея закрыта была берестой („тиски“), что и должно было служить нашей единственной защитой отъ холода и дождя. Здѣсь помѣстились: церковная утварь, багажъ, запасъ провизіи и мы трое, не располагая особенной свободой движеній. Около полудня 19 августа наше судно, при привѣтствіяхъ десятка мужичковъ, отвалило отъ берега. На горѣ красовалось село... Виднѣлось кладбище, и начинался на холмахъ боръ. Къ крутому берегу прилѣпились кедры и грѣли свои запутанные, оголенные весенней водой корни. Рѣка дѣлала поворотъ. Село исчезало. Виды смѣнялись. То долго тянулся густой высокій еловый и пихтовый лѣсъ, подмытая деревья висѣли надъ водой, то показывались чистые, точно подметенные бора; намъ видны были лодки, балаганы ягодниковъ; то опять картина замѣнялась темными берегами съ бархатистыми вѣжными кедрями; то молодая семья талины пышнымъ букетомъ красовалась на песчаномъ берегу. Близился

вечеръ. Темнѣло. Плыть было опасно. Каряги торчали изъ воды. Мы натыкались на нихъ, задѣвая о нихъ дномъ. Наконецъ мы избрали мѣсто вблизи берега, около развѣсистой ели.

Скоро гребцы развели костеръ и запасли на ночь дровъ. Ужиномъ намъ служили: вареный картофель, огурцы и чай. И долго еще шелъ у насъ разговоръ, пока всѣ путники не задремали. Я удивлялся здоровью мужиковъ, спавшихъ безъ одежды на сырой землѣ.

Рано утромъ мы уже плыли. Картины тѣ же. Днемъ приставали къ берегу; пили чай; видѣли слѣды семьи медвѣдей.

День холодный, накраиваетъ дождь. Приходится кутаться потеплѣе.

Часовъ около 12 дня показалась д. Ворожейка. 13 дворовъ ея были разбросаны на берегу рѣки, на открытой полянѣ. Кругомъ однообразно-скучно. Остроконечный лѣсъ, какъ гигантская изгородь, окружаетъ деревню. Рѣка подмываетъ ее. Дома стоятъ въ огородахъ. Это придаетъ Ворожейкѣ своеобразную особенность. Мы пошли въ часовню: небольшую четырехстѣнную, съ холодными стѣнами, — холодную избу. Три небольшія окна мало освѣщали внутренность ея. Внутри на полкѣ стояли старыя иконы, среди нихъ я замѣтилъ особенное изображеніе Св. Іоанна Предтечи — въ видѣ ангела, съ крыльями. Нашъ пріѣздъ былъ цѣлымъ торжествомъ для мѣстныхъ крестьянъ. Празднично одѣтые, гладко-причесанные — молились они, слушая водосвятное молебствіе въ часовнѣ. Послѣ молебна просили „пogотовиться“ — двое стариковъ; принесли крестить трехъ дѣтей. Они настолько подросли, что удивленно и испуганно смотрѣли вокругъ глазами, а болѣе бойкія цѣплялись рученками за струець и губку.

Женщина съ большими признаками беременности просила „омолитвить“ ее: въ этотъ же день она разрѣшилась отъ бремени. Очевидна была надобность въ священникѣ, Крестьяне жаловались, что безъ священника народъ здѣсь обреченъ на смерть безъ покаянія, безъ крещенія.

Посѣтивъ всѣ дома Ворожейки, мы отплыли внизъ по рѣкѣ. На слѣдующій день, часа въ три—противъ устья р. Ивашковой—на берегу наше вниманіе обратила юрта конической формы, крытая большими длинными листьями бересты и огороженная вокругъ жердями. Около юрты лежала большая куча кедровыхъ шишекъ, свѣжая рыба, пила, чайникъ и пр. Въ юртѣ разбросаны были шубы, одежда, ружья. Хозяевъ не было дома. Наши гребцы стали дѣлать сигналы выстрѣлами. Такъ прошло часа два, пока не послышались отвѣтные выстрѣлы, лай собакъ и не показались сами хозяева. Остякъ Трофимъ, лѣтъ 60, еще бойкій, подвижной, съ узковато-хитроватыми глазами, рѣденькой бородкой, одѣтый въ сѣрый оборванный азымъ, бродни и сѣтку. Его старуха, хотя и моложе годами, но не имѣла той подвижности и была какая-то жалкая въ грязномъ платкѣ, мокрой юбкѣ, съ больными глазами. „Петруха“, — сынъ-пріемышъ, насчитывалъ себѣ около 20 л., но былъ удивительно малъ. Онъ проворно—босой, съ открытой головой—бѣгалъ въ припрыжку за водой. Черные волосы, остриженные „въ скобку“, трепались, изо рта брызгала слюна. Вся ихъ семья была бойкая, добродушная, гостепріимная. Они дали намъ рыбы, орѣховъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Три недѣли по приходу.

(Продолженіе).

Съ д. Ворожейки—мы требоисправленій не совершали во время передняго пути, въ виду того, что остяки не ждали насъ и не были готовы къ приему насъ. Поэтому мы у Трофима и не пробыли долго. Скоро простились съ русскими гребцами и остались въ обществѣ остяковъ. Трофимъ на кормѣ весело вскрики-

валъ: „Э...э... молодцы! добрый часъ... Ячекъ ¹⁾ помогай!“.. Петруха и псаломщикъ А. Н. дружно работали въ веслахъ. ²⁾ По нашему предположенію, мы бы должны въ этотъ вечеръ доплыть до другой остяцкой семьи. Темная ночь съ сильнымъ вѣтромъ остановила насъ какъ разъ у этого мѣста. Съ трудомъ можно было разыскать провизію въ лодкѣ, донести въ юрты и достать дровъ. Въ юртѣ—овальной формы — было пусто. Стоялъ одинъ самоваръ, валялись грязныя рваныя рубахи, пустыя берестяныя коробки („чуманья“). Полонъ служилъ чистый песокъ. Хозяинъ юрты съ семьей былъ въ другомъ мѣстѣ. За юртой вылъ вѣтеръ и съ шумомъ трепалъ деревья. Пламя захлебывалось отъ врывающейся въ верхнее отверстіе свѣжей струи. Дымъ ходилъ надъ головами и невыносимо ѣлъ глаза. Но все это было такъ ново, оригинально, что не хотѣлось уходить въ лодку: тянуло поговорить со словоохотливымъ остякомъ. Изъ общаго котла мы ѣли уху или чай. Трофимъ завелъ рѣчь про свое житіе. „Остякъ не любитъ рѣкѣ жить... Озерѣ живетъ“... Правда, всѣ зимнія жилища остяковъ, какъ мы потомъ убѣдились, всѣ были построены не на рѣкѣ, а у озеръ, въ протокахъ, въ «старицахъ». А въ городѣ бывалъ?—любопытствовали мы.

„Какъ же!.. Три раза въ городѣ Исинейскѣ былъ... Скушно мнѣ тамъ стало! Я лѣсу десять разъ бы лучше жилъ. Шишки, орѣхи, бѣлка!.. весело въ лѣсу!.. А старуху зачѣмъ водить. Онѣ не была въ городѣ. Я за порохомъ былъ.“...

Спрашивали о женитьбѣ его сына—Петра. Оказалось—не вѣста ему уже высватана нѣсколько лѣтъ назадъ и живетъ у своихъ родителей до совершеннолѣтія. Трофимъ жаловался на

¹⁾ Ячекъ—вмѣсто дьячекъ. Такъ называли псаломщика остяки и тунгусы.

²⁾ Да не обвинить меня тотъ, кто укорялъ въ № «Енис. Ц. В.» священниковъ, что они садятъ низшихъ членовъ причта «на козла»—во время поѣздокъ. Псаломщикъ А. Н. Н. сидѣлъ въ гребяхъ по собственному желанію, а не по моему настоянію. *Авторъ.*

тяжелый обычай брать плату, „калымъ“, за невѣсту. Женихъ обязанъ уплатить тестю, по соглашенію, но приблизительно слѣдующее: 2—3 ведра водки, шубу, бродни, мяса, денегъ 20—30 руб. и пр... Ужинъ нашъ кончался. Оставалось поблагодарить Создателя за „хлѣбъ-соль“. Но я съ удивленіемъ замѣтилъ отсутствіе иконы и спросилъ объ этомъ Трофима. „Образовъ почему нѣтъ?“, объяснилъ онъ, — «мы таскаемся вездѣ. Вотъ Денисъ.. давно, это было... утопилъ образъ, мѣдной былъ... да и самъ померъ! А мы лучше молимся на истокъ“.

Я старался разуверить Трофима въ его заблужденіи: но въ душѣ съ первымъ доводомъ его согласился. Правда, при частыхъ переѣздахъ на лодкѣ, на «нартѣ» — икона не можетъ получить подобающей чести, тѣмъ болѣе, что въ зимнихъ избахъ иконы содержатся въ должномъ порядкѣ. Поздно мы ушли въ лодку. Тамъ укрылись въ своей берестяной каютѣ и не слышали, какъ Трофимъ съ Петромъ — приплавил насъ къ семьѣ остяка Дениса.

Свящ. Г. Климовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Три недѣли по приходу.

(Продолженіе).

Обратный путь былъ, конечно, труднѣе и совершался медленнѣе. Гребцы въ три весла дружно работали тамъ, гдѣ невозможно было „идти бичевой“. Но чаще эта возможность представлялась: этому способствовали завороты рѣки и оголенные пески, удобные для пешеходовъ. Разогнанная лодка еще не успѣвала дойти до берега, какъ двое гребцовъ быстро прыгали по колѣно въ воду и тянули тонкій буксиръ. Бичева со свистомъ натягивалась; вода шумѣла; лодка дѣлала толчекъ и, скребя дномъ о коряги, медленно, со скрипомъ ползла вдоль берега...

„Эй! ээ... эй! бичевой не засаривай!... некальчь, некальчь... икхетреть!...“ — кричалъ кормовой, предупреждая, чтобы буксиръ не зацѣпился за какой-либо пенъ или кустикъ, торчащій изъ воды между лодкой и берегомъ.

Снова оборотъ рѣки. Песокъ уже на другой сторонѣ. Судно подтягивалось къ берегу: въ него быстро вскакивали съ берега гребцы, съ замаранными въ глину и песокъ ногами, обдавая внутренность лодки цѣлыми потоками грязи. Одинъ подбиралъ бичеву. Снова на веслахъ: смуглая потная лица какъ то изступленно, неловко кривились отъ усилій; и опять двое прыгали въ рѣку, на песокъ и т. д. Вотъ картина обратнаго плаванія!

Разстояніе исчислялось — количествомъ пройденныхъ нами „песковъ“. „Сколько“, спрашивали мы, „остается до туда-то“.. „Да шесть огибней матершихъ ишшо будетъ“, — отвѣчалъ одинъ: „да песковъ шесть будетъ“ — подтверждалъ другой.

Послѣ ночевки въ тальникѣ, на берегу, часамъ къ 12^{1/2}, 27-го августа, мы отмѣрили отъ Марковой такихъ песковъ около 40 и заплыли изъ рѣки въ „старицу“ — въ улусъ Глазковскій. Насъ встрѣтили празднично-одѣтые обыватели и приглашали къ себѣ — по дымнымъ, небѣленнымъ избамъ служить молебны. Святили новое помѣщеніе, обошли всѣ хаты; изъ нихъ болѣе

поразилъ одинъ очень бѣдный домъ—безъ печи, безъ пола, вмѣсто котораго, по разбросанному на землѣ сѣну посланы были „тиски“. Хозяинъ-остякъ какъ то растерянно прибавилъ: „У насъ инѣтъ *) стола“. Держа въ рукахъ Евангеліе и крестъ, я отслужилъ, по его просьбѣ, простой молебенъ. Въ другой избѣ низкая сторбленная старуха въ холодаѣ, съ почернѣвшими отъ табака носами, обратилась ко мнѣ: „Въ Маковски попь нѣтъ... Ты меня, батька, исповѣдуй, хоть немного... Меленько исповѣдуй... старуха ужъ я“; и послѣ исповѣди благодарила: „Спасибо тебѣ, батька, чтобы здоровье было!..“ У лодки Ив. Тр—ча собрались всѣ обитатели улуса; приплелась и старуха съ заявленіемъ: „и вси болитъ —и спина, и нога“... Насъ пригласили пить чай съ брусникой и ржанымъ хлѣбомъ.

Сильно удивила насъ одна супружеская чета... **) Остякъ лѣтъ около 40, вдовый, сожительствовалъ съ дѣвочкой лѣтъ 14-15. Этотъ примѣръ и дальнѣйшее наблюденіе привело насъ къ заключенію вообще объ остяцкой женщинѣ. По виду онѣ (болѣе, чѣмъ мужчины) монголки, стѣснительныя, неразговорчивыя (конечно, когда трезвыя); низкаго роста, худыя —это объясняется, вѣроятно, ихъ положеніемъ въ семьѣ (загнанностью) и болѣе всего плохимъ питаніемъ: отъ этого замѣчается сильное вымираніе женщинъ. Остячки умираютъ ранѣе мужей, почему рѣдкій остякъ не женатъ во второй разъ, а недостатокъ женщинъ ведетъ къ неравному браку.

Черезъ 10 „песковъ“ мы заходили въ у. Урашный (1 домъ), но, не заставъ хозяина,плыли далѣе. Наши пищевые запасы истощились уже и состояли только изъ сухарей, отсырѣвшихъ на водѣ и начинающихъ плѣсневѣть. Къ подозрительному остяцкому хлѣбу и лепешкамъ приступить пока нѣкоторые изъ насъ не рѣшались. Если намъ давали рыбы, мы не отказывались; сами варили изъ нея уху и „хлебали“ съ сухарями.

*) Остяки прибавляютъ къ нѣкоторымъ словамъ звукъ „и“.

**) Не вѣнчаны по недостатку лѣтъ и по отсутствію документовъ невѣсты, которые разыскивать въ этихъ дебряхъ едва-ли возможно.

Мы еще отплыли „песковъ“ 7. Красное зарево засыпающаго дня освѣщало однообразную окрестность. Предстояла опять ночевка, но на этотъ разъ все же хотя въ селеніи.

Направо тянулся высокій подмытый крутой песчаный берегъ, на которомъ бесконечно растянулись стройные ряды сосенъ. Предвкушая отдыхъ, гребцы напрягали всѣ силы поскорѣе окончить скучный трудъ. Кормовой воодушевлялъ: коза!... коза!... коза!... (греби... греби!...) и, наконецъ, послышалось пріятное — тебе, тебе (будетъ)...

На берегу можно было замѣтить движущіяся фигуры — это улусъ Безымянный, домовъ съ рѣки не видно было... Онъ собственно состоитъ изъ двухъ домовъ, но, благодаря его мѣстоположенію въ ягодномъ и мшистомъ бору, сюда собралось не мало остяковъ для собиранія брусники и кочевыхъ тунгусовъ со стадами оленей. И здѣсь остяки насъ тоже уже ждали и привѣтливо здоровались и встрѣчали насъ. Бросались въ глаза три стройныхъ инородца съ подвязанными платкомъ лбами, съ распущенными блестящими длинными черными волосами, ловко собранными на затылокъ бисерными схватками. Одежда ихъ состояла изъ простой рубахи, узкихъ кожаныхъ брюкъ, похожихъ на наши модные рейтузы, запущенныхъ въ легкіе кожаные полусапожки или скорѣе чулки, и короткаго ножа, подвѣшеннаго къ поясу. Я увидѣлъ ихъ въ первый разъ: оказалось — это были тунгусы, которые, должно-быть, не знали о нашемъ пріѣздѣ. Я понялъ это изъ ихъ вопросовъ къ остякамъ; „откуда это?!... чечпи утчегенъ“ (молодой попъ). Остяки отвѣчали: „и съ Елани“.

Не буду распространяться про требоисправленія въ 2-хъ остяцкихъ домахъ, гдѣ особеннаго было опять только то, что, когда я крестилъ остяченка, который передъ этимъ ходилъ и сознательно осматривалъ всѣ приготовленія къ обряду: берестяную купель („чумакъ“), свѣчи, и когда я сталъ троекратно погружать его, то онъ не плакалъ, а испуганно и удивленно тарашилъ на меня глазенки и такъ внушительно вцѣпился за бортъ чумака, что едва не сдвинулъ съ табурета и не пролилъ воду, омывшую съ

него прародительскій грѣхъ. Погрузить его стоило большихъ усилій. Послѣ этого мы приняли приглашеніе тунгусовъ и отира- вились въ сопровожденіи десятка остяковъ — по сѣрозеленому мху, по потемнѣвшей аллеѣ сосенъ, въ вечернемъ полумракѣ, версты за три отъ улуса въ ихъ кочевье... Жутко чувствовалось въ этой глуши среди незнакомыхъ скуластыхъ монгольскихъ фізіономій, вооруженныхъ палками, къ тому же выдѣлывавшихъ какіе то шуточные подвижные странные прыжки и ловкими размахами срубавшими молодая сосенки.

Къ этому же прибавьте неслыханное нами хрюканье оленей, которые откуда то безшумно выскакивали и, напуганные нашей толпой, галопомъ прыгали черезъ колоды и быстро исчезали по направленію къ кочевью.

Скоро показались юрты, наполовину пользовавшіяся свѣтомъ кончающагося дня, наполовину яркими вспышками горящихъ костровъ. Кругомъ около срубленныхъ деревьевъ стояли и лежали много привязанныхъ разношерстныхъ оленей съ красивыми вѣтвистыми мохнатыми рогами. Вся эта картина: юрты, около каждой кучка тунгусовъ, собаки-сторожа съ острыми ушами, — при такомъ освѣщеніи казалась сказочнымъ сномъ.

Голова отказывалась воспринять всю эту массу реальныхъ представлений. Недоумѣвающіе тунгусы, не зная, какимъ путемъ поздороваться со мной, крестились. Я попросилъ уже остяковъ, болѣе ознакомившихся, устроить небольшіе импровизированные столики на трехъ коляхъ, чтобы возможно было поставить чашку съ грязной мутной водой для водосвятія. Въ тунгусскихъ юртахъ, крытыхъ закоптѣлыми кожами, было дымно, грязно, черно; кругомъ разбросаны были мѣховыя оленьи одежды. Трудно и представить, какъ они живутъ въ этихъ жилищахъ; даже зимой, когда холодъ, вѣроятно, дуетъ во всѣ отверстія, и единственнымъ источникомъ тепла служитъ небольшой костеръ, тлѣющій на срединѣ.

Молились тунгусы, видимо, съ чувствомъ и, какъ будто, лучше остяковъ понимали богослуженіе. Расплачивались деньгами: пода-

рили шкурку молодого оленя. Старикъ жаловался, что кочевье постигла оспа и послѣ себя оставила страшную память—смерть цѣлыхъ трехъ семействъ. Мы обошли—поинтересовались—все стадо и кочевье... и опять, сопровождаемые тунгусами и остяками, поздно ночью отправились по лѣсу въ улусъ, гдѣ около лодки на берегу развели костеръ. Время было и отдохнуть и хотя немного привести свои мысли въ порядокъ, но это было не такъ легко: мы сами, оказывается, представляли изъ себя не меньшій объектъ наблюденій для инородцевъ.

Къ нашему костру подошли молодые остяки, которые сильно интересовались городомъ, ученіемъ въ школѣ, много спрашивали насъ, жаловались на эксплуатацію русскихъ.

Ихъ мѣсто заняли 5 тунгусовъ и тунтуска; они разсѣлись на перевернутой лодкѣ. Они, оказалось; знали много молитвъ; просили книгъ, но у меня не оказалось; я не ожидалъ, что встрѣчу здѣсь грамотныхъ людей. Въ разговорѣ ихъ сквозила иронія, пренебреженіе не только къ остякамъ, но и къ русскимъ. Одинъ заявилъ: „а!... что! русской, такъ русской и есть“... Я вотъ прямо пойду на казенну дорогу... въ Томско... выйду... Прямо пойду на Ялань, приду... Къ киржакамъ выйду... Все азіаты дороги вѣдь проложили... Это русскіе напрасно! Мы показали дорогу. Вотъ канава... говорятъ три милліона казна даль... Я бы, мы бы азіаты на эти деньги показаль и устроилъ три канавы... Комиссія пріѣзжалъ, насъ начальство не пустиль, мы бы показаль, что неладно... А насъ не пустиль. Тутъ серебряной ворота можно устроить. А насъ не пускаль работать. Вотъ какъ я неграмотна, я бы дошелъ до Царя... русски его обманулъ...“ Долго и много говорили тунгусы, часто просили у моихъ спутниковъ табаку, пили чай и сильно интересовались остатками варенья, предложеннаго имъ. Пламя вспыхивало, и на глазахъ непріятно отображалась фигура женщины, но не остячки—скромной, застѣнчивой, худенькой, а жирной, широколицей, курящей, нахальной тунгузки, которая развалилась на песокъ и, очевидно, нисколько не стѣснялась обществомъ мужчинъ.

Послѣ ихъ ухода пришелъ опять остякъ Карпъ со своей семейной болью: „Батка, отецъ Григорій, я значить якуня вая... того, значить—хочу сына женить... такъ вотъ... родня... вотъ, значить, расскажу, былъ Семень и т. д. Пришлось терпѣливо выслушать всю родословную. Карпъ продолжалъ: „ланесь сынъ былъ. Баба застрѣлила его, Начальство сюды не прѣхалъ. Я бы казалъ виновать. А славный былъ... въ компань поидеть... изодѣнется... уу... А попче и моя баба въ оспѣ умеръ... Одинъ парень остался. А дѣвченку себѣ ты не возьмешь?! По время скушно бывать... какъ подумаешь—у...у“...—и остякъ разразился громкими продолжительными рыданіями, которыя при ночной тишинѣ гулко отдавались и на берегу, и въ темной дали за тихо и плавно бѣжавшей водой, мѣстами серебрившейся прокравшимися изъ за тучъ лучами и гдѣ то вверху странно журчащей о камни. Наконецъ, Карпъ успокоился, и мы перевели понемногу разговоръ на другую тему. Онъ рассказалъ, какъ „въ былые годы священникъ „отецъ Х...рей былъ... Охъ, винишко любилъ! Дьячка такой же былъ—у...у... Ругался шибко, какъ пьный былъ... Неловко“... Такая справка съ меньшей болью била по душѣ... Это „неловко“—даже изъ усть полудикаря звучало незавидной похвалой для этого миссіонера. Карпъ кончилъ тѣмъ, что попросилъ написать письмо въ Маковское съ просьбой выслать нѣкоторые продукты...

Наконецъ, остались одни. Глубокая ночь, а мы все еще не спали. Такъ много новаго, интереснаго насмотрѣлись въ этотъ день, и въ концѣ не обошлось безъ папоминанія о страданіи, о горѣ—не забывающихъ даже этого заброшеннаго угла, дикой тайги. Костеръ съ одной стороны и берестяная свѣча на высокой воткнутой палкѣ, съ другой,—освѣщали нашу скудную трапезу и лодку. Съ рѣки сырой воздухъ обдавалъ насъ и освѣжалъ утомленные головы. Немного забывшись во снѣ, рано утромъ мы двинулись въ путь.

Свящ. Гр. Климовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Три недѣли по приходу.

(Путевыя замѣтки завѣд. захолустнымъ приходомъ).

(Окончаніе).

По утрамъ мы долго спали, но и тутъ нужна была особая привычка, способность, чтобы не ощущать и не обращать вниманія на всѣ эти выпрыгиванія и заскакиванія гребцовъ, крики: „тобе... чекамба“ ..., посадку на мель, толчки, брызги, которыя обдавали лицо. И мы, какъ будто, обладали этими прекрасными въ данномъ случаѣ свойствами и, правда, почти не чувствовали неудобства, пока лодка наша была пуста. Теперь же она стала наполняться подарками остяковъ, въ видѣ большихъ „чуманьевъ“ съ брусникой, которые нужно было охранять отъ дождя, поэтому они мало по малу заняли нашу каюту, а намъ пришлось спать уже въ полусидячемъ положеніи, подобравъ ноги, при чемъ отъ дождя имѣлась возможность укрыть только часть туловища. И вотъ тутъ дѣйствительно приходилось ухищряться и мириться. Вѣдь кругомъ непроходимая тайга, и мы еще на цѣлую недѣлю отрѣзаны отъ культурнаго міра. Признаться, уже стало и надоѣдать наше скитаніе, тѣмъ болѣе, что всѣ виды намъ были уже знакомы и мало интересны, а желудки, наполняемые только одними мелкими плѣсневѣлыми сухарями, мало прибавляли энергіи и настойчиво просили себѣ подкрѣпленія. Рыбы не ѣли уже дня три.

Къ вечеру 28-го наконецъ добрались до ул. Налимка, обитатели котораго въ ожиданіи насъ разбились на берегу въ 5 юртахъ, не доплывая съ полверсты до улуса. Остяки были гдѣ то на рыбалкѣ, только одинъ изъ нихъ Павелъ приплылъ изъ улуса и пригласилъ теперь же посѣтить его.

Верткая ладья быстро понесла насъ туда, въ улусъ. Стало уже совсѣмъ темно. Направо тянулась черная „гряда“ деревьевъ, впереди тростникъ съ шумомъ уступалъ дорогу и пропустилъ насъ въ озеро. Замелькалъ огонекъ. (Изъ кустовъ выскочила собака и съ лаемъ провожала насъ по мокрой узкой травяной тропинкѣ). Вошли въ темную избу. Освѣтилъ черные образа... Понеслась скромная молитва.... „Нынѣ наста время всѣхъ освящающее“... неслось по избѣ и наполняло и ее, и сосѣдній очагъ— „чувальню“. При слабомъ мерцающемъ свѣтѣ плохо различались лица колѣнопреклонной семьи, о „мирѣ, жизни, здравіи“ которой совершалось теперь моленіе.

Возвращались тѣмъ же путемъ. Луна намъ скупо показывала дорогу. Павелъ— съ открытой плѣшивой головой— правилъ и рассказывалъ, какъ остяки проводятъ годъ.

„Лѣтомъ выходимъ съ улусовъ на пески рыбачить... осенью беремъ бруснику... шишкуемъ... по снѣгу ходимъ пальничать, черканишь, бѣлковать... Послѣ Миколы рыбу добывамъ, хлѣбъ припасамъ, спиртъ пьемъ!... съ Устрѣтенья до Пасхи уходимъ соболевать“.

— А развѣ много привозятъ вамъ спирта—спросили мы. „Какъ мало... немало... много возятъ... спиртоносы-то!“...

У юртъ мы застали остяковъ, но вслѣдствіе поздняго времени служебныя дѣла отложили до утра. Цѣлая полная лодка рыбы была предложена нашему выбору. Приложены были всѣ наши поварскія способности, чтобы приготовить уху изъ жирныхъ язей и изъ окуней шашлыкъ. Отъ вѣтра мы укрылись въ юртѣ, гдѣ для паблюденія за нами собралось около десятка остяковъ. Они, кажется, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за малѣйшимъ

нашимъ словомъ, движеніемъ и бесѣдовали съ нами, пока мы кушали сварившуюся уху, шашлыкъ и чай на маленькомъ столикѣ—скамейкѣ и уже по привычкѣ сидѣли прямо на землѣ. Къ чаю полуслѣпая старуха поставила на столикъ бутылку, полную какихъ то бѣлыхъ крупинокъ. Это она нащелкала своими старческими деснами (зубовъ у нея не было) ядрышки кедровыхъ орѣховъ и угощала ими. Ей дали остатки ухи, приготовленной не „по-остяцки“, а съ приправой лука, картофеля, перца, что она аппетитно и докушала.

29-го Августа къ немалому своему огорченію замѣтили, что молодой остякъ Іоакимъ, сопровождавшій насъ отъ юрты Дениса до Марковой и обратно,—какъ будто вдругъ сдѣлался ненормаленъ. Во время еще молебновъ онъ бросалъ кусочками ладана въ молящихся. Онъ все кого то изображалъ, кашлялъ, плевалъ въ воду, смѣялся, крестился—то мыча, то завывая, какъ деревенская плакальщица или христославъ, то выдѣлывая странные интервалы, какъ будто, подражалъ церковному пѣнію. Досадливый дождь, сѣрыя сосульки отъ воды, мокро, сырость, холодъ еще болѣе портили и безъ того неважное настроеніе нашего „экипажа“. Оставить больного Іоакима въ Налимкѣ мы не рѣшались, боясь, чтобы остяки не вздумали своимъ способомъ (ударами) изгонять изъ него болѣзнь. Теперь его одѣли теплѣе и грести не заставляли. Рѣшено—довести его до стоянки отца, хотя это и стоило намъ многихъ опасеній и ужаса.

На слѣдующій день—къ вечеру достигли, наконецъ, д. Лосиноборской („Монастыря“). Около берега стояла небольшая гребная баржа, нагруженная хлѣбомъ и разнымъ товаромъ, предназначеннымъ для края. Въ деревнѣ, закупившей „обновы“, чувствовался совсѣмъ праздникъ. Послѣ нашего пріѣзда тоскливо запѣлъ пискливый колоколь и сталъ звать въ старую часовню, гдѣ горѣлъ чистый воскъ предъ старыми иконами—свидѣтелями многихъ „болей“—прежнихъ поколѣній. Теперь сюда шли уже новые люди, новаго поколѣнія и несли Богу свои таежныя нужды,

свои лѣсныя заботы, благодарность за дарованное „изобиліе плодовъ“.

Во всѣхъ четырехъ домахъ мы встрѣчали самый радушный пріемъ. Скоро баржа отчалила отъ берега. На палубѣ на бочкѣ сидѣлъ самъ владѣлецъ, а рабочіе пѣли и со скрипомъ ворочали весла, которыя звонко шлепались и мѣрно аккомпанировали скучной пѣснѣ, такъ удивительно гармонировавшей съ этимъ унылымъ осеннимъ пейзажемъ. Судно скрывалось... Намъ не хотѣлось тоже болѣе оставаться здѣсь, и мы двинулись, чтобы добраться до удобныхъ кедровъ для ночлега.

Темная, мокрая осенняя ночь догоняла насъ, и мы въ темнотѣ стали царацаться на крутой травяной берегъ, и на яру, подъ елями и кедрами, раздули огонь. Пламя вздрагивало отъ вѣтра, старые гиганты-деревья мѣрно качались, длинныя вѣтви сбрасывали крупныя капли дождя... Что то хрустѣло и свистѣло вокругъ и было страшно и жутко въ окружавшей насъ мглѣ. Но не такъ пугала вся эта нахмурившаяся погода, какъ страшень былъ Іоакимъ, съ которымъ по-ночамъ дѣлались особенно буйныя, бѣшенныя припадки.

Его блѣдное лицо, взъерошенные волосы—освѣщались порывистымъ пламенемъ костра, суровые узкіе глаза то озирались въ темноту, то пронизывали своимъ взглядомъ, то шурились и и смотрѣли куда то вверхъ. Послѣ приглашенія пить чай онъ схватилъ котель, поплевалъ въ него, затѣмъ вскочилъ и ринулся, кувыркаясь, внизъ съ яра, къ рѣкѣ. Наши гребцы въ ужасѣ замерли, но мы успѣли схватить Іоакима у самой воды. Такъ онъ продѣлывалъ раза два, но потомъ успокоился, наклонился, нацѣ котломъ и началъ скучно пѣть: „высоко... высоко... небесны... царю... паси... Боже...“ и пр. И все это повторяя сотни разъ, такъ что всѣ его слова врѣзывались въ нашей памяти.. А вѣтеръ и дождь—вторили ему и больно отдавались на нашихъ нервахъ. Іоакимъ ни минуты не молчалъ. Суевѣрные гребцы пугливо жались къ деревьямъ и испуганно не спускали глазъ съ больного.

Окончивъ ужинъ, мы наблюдали и ожидали, что будетъ съ нимъ, опасаясь, какъ бы онъ не бѣжалъ въ глубь тайги.

Небо мало по малу стало очищаться отъ тучъ. Луна прорѣзала вѣтви и бросила свои лучи прямо въ разгорѣвшееся лицо Іоакима, который набросилъ на себя азамъ и шубу и, стоя на колѣняхъ съ поднятыми руками, молился и безъ отдыха пѣлъ: „всякому... царю небесны... твои люди... моли Бога о насъ... паки паки твоею благодатию... яко... и на святаго... Богородицу... паси... насъ... мы тебѣ прибѣгаемъ... и скорая помощникъ... Господи помилуй насъ“... и т. д. въ этомъ родѣ—цѣлое поурри изъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ. Ясно было, что нашъ пріѣздъ отозвался на психикѣ Іоакима, унаслѣдовавшаго отъ родителей расположенность къ помѣшательству, и ускорилъ приливъ болѣзни, которая теперь вылилась въ копированіе нашего бого-служенія.

Утомленные страданіями бѣднаго Іоакима, подъ утро, когда онъ немного примолкъ и будто спалъ, мы одинъ по одному заснули. Но скоро отчаянный крикъ псаломщика Ал. Ник. разбудилъ насъ. Онъ былъ обожженъ искрами головней отъ костра, котораго Іоакимъ началъ раскладывать на каждаго изъ спящихъ. Онъ теперь слушался только строгихъ окриковъ. Однако скоро схватилъ одного изъ остяковъ за ноги, легко отбросилъ въ сторону и быстрымъ прыжкомъ чуть не въ самый огонь повалилъ другого остяка. Черезъ минуту онъ уже бросался на сосѣднія толстыя елки, отчаянно сламывалъ ихъ и начиналъ хлестать насъ. Вязать Іоакима было жалко. Мы съ нетерпѣніемъ ждали разсвѣта, съ наступленіемъ котораго Іоакимъ какъ будто немного приходилъ въ себя. Къ утру костеръ нашъ догоралъ и не грѣлъ насъ. Всѣ путники ежились отъ холода. Паль сильный иней. Бѣлыя капельки прилипли къ лисьямъ и серебрились отъ луны и восходящаго солнца. На рѣкѣ сильный туманъ загоразивалъ путь и пылью разсыпался по свѣжей поверхности воды. Гребцы отъ движеній грѣлись, а мы сидѣли въ лодкѣ сонные, корчились отъ неудобства

и бессонной ночи и спали сидя. Ясный солнечный день еще больше пѣжилъ, припекалъ насъ и клонилъ ко сну. Наше суденышко понемногу подвигалось около бережка.. Праздникъ (воскресеніе 31 Авг.) не чувствовался, день походилъ на день. Только ночи теперь выпали страшныя, разнообразныя. Мы чувствовали себя, какъ пришибленные, точно виноватые за болѣзнь Іоакима. Онъ продолжалъ и днемъ изображать меня и копировать, какъ священника. Достаточно мнѣ было плюнуть или кашлянуть, онъ дѣлалъ тоже. Слѣдующую ночь онъ продѣлывалъ тѣ же манипуляціи. Приходилось выдерживать испытаніе до конца.

1-го Сентября Іоакима сдали отцу. Его нашли гдѣ то вдали отъ берега, куда пришлось идти долго по косогору, болотиной, спотыкаясь и заплетаясь на каждомъ шагу за кустарникъ и тростникъ. Вся семья Дениса сидѣла подъ берестяными навѣсами и пила утренній чай. Что-то бездушное, холодное, безразличное чувствовалось въ отношеніи семьи къ Іоакиму. Ни вздоха, ни удивленія, ни сожалѣнія не слышали мы ни отъ кого. Такъ Іоакима и оставили въ семьѣ съ его болью, пока не узнававшего ни отца, ни братьевъ, ни сестеръ, а сами, разстроенные, плыли далѣе и въ этотъ же день посѣтили бойкаго Трофима, который по поводу болѣзни Іоакима ораторствовалъ: „изъ Бога куды избѣжишь... Когда Богъ и жизнь дастъ, такъ и будешь жить... Ишь Богъ, какъ человѣка дѣлать!... Сегодня здоровъ—завтра ивѣтъ“... Его рѣчь коснулась также оскудѣнія вѣры среди русскихъ, такъ соблазнительнаго для инородцевъ: „Русски пошто не вѣнчаются... безъ вѣнецъ живутъ?!... Пошто русской ничего не звать... отца не звать?!? мать не звать? значить, остяку въ лѣсу и совѣмъ можно?!“...

Эти неумолимые разговоры разгоняли наше скверное настроеніе отъ ухаживанія за Іоакимомъ. Веселая рѣчь Трофима лилась безъ удержу. Мы забыли даже про опасность, когда, очевидно, отъ нашего смѣха встревоженный медвѣдь бѣжалъ со своего ночлега, только колоды и сучья звучно хрустѣли и глухо отда-

вались далеко по-лѣсу. А Трофимъ, не обращая на это вниманія, продолжалъ рассказывать про былыя времена: какъ „работа на канавѣ (постройка Обь-Енисейскаго канала) былъ... дрова рубилъ... работу бралъ... грузилъ... пароходъ мель садился“.

Поздно ночью 2-го мы приплыли въ д. Ворожейку и простились съ остяками. Тамъ мы приютились въ теплой чистой хаткѣ крестьянина Симеона Дороо. Угрюмова и, послѣ радушнаго приѣма, крѣпко уснули. На утро однако насъ ожидалъ непріятный сюрпризъ. Крестьяне изъ-за какихъ то счетовъ (подводъ) съ остяками отказались плавить насъ далѣе, и намъ оставалось только скучать отъ бездѣлья.

Я исповѣдывалъ больную женщину. Беременная, она утала съ коня и теперь мучилась послѣ неудачныхъ родовъ. Несчастливая жертва необходимости и темноты—она умирала безпомощная въ дикомъ углу, и бѣдный мужъ ея ходилъ по пустой деревенькѣ потерянный, жалкій. Чѣмъ можно ему было помочь, кромѣ сочувствія? Фельдш. Иванъ Троф. ухаживалъ за больною, но усилія его оказывались запоздалыми. Шсаломщ. Ал. Ник. — проводилъ время на охотѣ, а я читалъ и разглядывалъ гостепріимную хатку, гдѣ съ полки глядѣли многіе лики святыхъ, лубочное изображеніе Св. Николая и тутъ же на стѣнѣ эпизоды Турецкой и Японской войны, Наполеонъ и японскій военный совѣтъ. Доброй хозяйкѣ доставлено было въ этотъ день не мало хлопотъ.

Подъ вечеръ мы вышли на воздухъ—слушать, какъ вѣтеръ обдувалъ зеленую одежду лѣса и смотрѣть—съ обрыва, какъ онъ рябилъ воду въ рѣкѣ, и какъ солнце сначала пряталось въ тонкой облачной тѣнеткѣ, какъ дальше катилось, пока ели не скрыли его, а на острыхъ верхушкахъ осталась только эта нѣжная сине-фіолетовая тучка.

Утромъ нашъ хозяинъ Семенъ Дороо. не сталъ спорить съ мужиками и согласился вмѣстѣ съ 2-мя другими уплавить насъ. Постепенно скрывались отъ насъ провожавшіе, хозяйка, маленькіе ребята, затѣмъ часть деревни, часовня... только сгорбленный

старикъ, смотрѣвшій на насъ съ высокаго берега, долго виденъ былъ. Рѣдкіе сѣдые волосы разметались отъ вѣтра и потому еще болѣе бѣлѣли на блѣдномъ фонѣ унылыхъ деревенскихъ избушекъ.

Теперь все ближе и ближе подвигались къ Маковскому. Гребцовъ было мало, и приходилось самимъ помогать грести. Еще провели послѣднюю ночь въ роскошномъ бору, гдѣ было „становище“ ягодниковъ. Подъ конецъ намъ совершенно надоѣло сидѣть въ лодкѣ, и мы рѣшились даже одни безъ проводниковъ уйти впередъ лодки—по берегу въ Маковское. Прямой дорогой оставалось верстъ 18 или 20, а на лодкѣ-водой, еще цѣлыя сутки. Кто въ сапогахъ, кто босой, съ обувью на палкѣ черезъ плечо, мы трое двинулись и быстро зашагали по бору, по узкой тропкѣ, усыпанной иглами и мелкими сосновыми шишками.

Часа черезъ $2\frac{1}{2}$ показалась зеленая крыша храма, село, и мы вышли на берегъ къ рѣкѣ умыться, но наши затвердѣвшія лица и руки плохо отмывались отъ холодной воды. Таежный уголь, с. Маковское, казался теперь городомъ въ сравненіи съ тѣмъ, на что мы насмотрѣлись въ пути.

Цѣлый вечеръ мы бродили кругомъ, точно не могли налюбоваться на Маковское. Посѣтили кладбище—это красивое мѣсто изъ всѣхъ окрестностей, гдѣ обращала на себя вниманіе могила священника, о. Евѣимія Качусова († 1907 года, въ іюнѣ). Мнѣ вспомнилась его судьба. Какъ онъ молодой (29 лѣтъ) пріѣхалъ съ веселыми думами, хотѣлъ работать здѣсь. Но не прошло и двухъ недѣль, какъ скарлатина отняла отъ него двухъ дѣтей. Самъ больной, съ супругой, онъ поѣхалъ въ Ачинскъ, гдѣ засталъ уже мертвой свою мать. Отъ природы туберкулезный и теперь удрученный горемъ—онъ чувствовалъ, что въ такомъ негостепріимномъ приходѣ онъ не служака и просилъ перевода. Но это ему не удалось, и онъ—разстроенный вернулся сюда, и опять ровно черезъ 2 недѣли умеръ отъ воспаленія мозга, промучившись нѣсколько дней на рукахъ энергичной жены, которая одна, безъ слова участія или сочувствія, безъ родственниковъ ухажи-

вала за нимъ въ пустомъ школьномъ зданіи. И вотъ его могила, оградка, крестъ, вѣнокъ; вотъ рядомъ его дочь. Лежатъ двое вдали отъ родственниковъ, и только какой-либо знакомый или сердобольный прихожанинъ положитъ крестъ надъ этой песчаной могилкой. Скоро забудутся и онъ, и время разрушитъ и кресты, и оградку, и песокъ сравняется съ общей площадью кладбища...

На-завтра пришла наша лодка, мы вынули утварь, свои вещи и вечеромъ выѣхали въ д. Рыбную. Огненная и золотистая осина дрожала, а вѣтеръ силился и разносилъ съ нея послѣднюю красу. Въ лѣсу чернѣло. Лошади ощупью шагали, запинались за толстый слой листвы, и пугались темныхъ елокъ и побѣлѣвшей травы. На ночь остановились въ д. Рыбной.

7-го, въ Воскресенье, мы съ Божьей помощью вернулись домой.

Свящ. Гр. Климовскій.

С. Ялань, Енис. уѣзда.